

Научная статья
УДК 347.2
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.18

Original article

ШАРИПОВА Алия Рашитовна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
e-mail: nord-wind23@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3254-5577>

SHARIPOVA Aliya Rashitovna
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

ЦЕННЫЕ БУМАГИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ЧАСТНОПРАВОВОЕ В ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОМ

SECURITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PRIVATE LAW ASPECTS IN PUBLIC LAW RELATIONS

Аннотация. Гражданско-правовой институт ценных бумаг «пересекается» с российским уголовным процессом в трех основных точках: ценные бумаги выступают доказательством, в том числе вещественным; ценные бумаги выступают в качестве арестовываемого имущества при применении меры процессуального принуждения; ценные бумаги могут быть предметом залога как меры пресечения. Цель: определить соотношение публично-правовых и частноправовых начал в вопросе использования ценных бумаг в отечественном уголовном судопроизводстве. Основным методом исследования выступил метод сравнительного правоведения. Кроме того, применены общие и специальные методы (анализа и синтеза, логический, специально-юридический). Результаты: использование частноправового института ценных бумаг в публичном уголовном процессе демонстрирует некоторые перекосы в виде излишнего принуждения и недостатки при применении диспозитивного метода регулирования.

Ключевые слова: уголовный процесс, ценные бумаги, акции, вещественное доказательство, арест, залог

Для цитирования: Шарипова А.Р. Ценные бумаги в уголовном процессе: частноправовое в публично-правовом / А.Р. Шарипова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.18// Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 164–169.

Abstract. The civil law institute of securities “intersects” with Russian criminal proceedings in three main points: securities act as evidence, including material; securities act as seized property under a coercive procedural measure; securities may be pledged as a preventive measure. Purpose: to determine the ratio of public law and private law principles in the use of securities in national criminal proceedings. The main method of research is the method of comparative jurisprudence. In addition, general and special methods (analysis and synthesis, logical, special-legal) are applied. Results: the use of the private law institute of securities in public criminal proceedings demonstrates some distortions in the form of excessive coercion and disadvantages in the application of the dispositive method of regulation.

Keywords: criminal proceedings, securities, shares, evidence, arrest, pledge

For citation: Sharipova A.R. Securities in Criminal Proceedings: Private Law Aspects in Public Law Relations. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 164–169. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.18.

ВВЕДЕНИЕ

На большинство, если не на каждую из проблем уголовно-процессуального права можно посмотреть через призму соотношения публичных и частных интересов, то есть ради поиска того баланса частного и публичного, который оправдывает массу принуждения, свойственного уголовному судопроизводству, но не превратит эту массу в критическую.

Соприкосновение частноправовых институтов с уголовным судопроизводством, сопоставление разной степени диспозитивности универсальных и аналогичных процессуальных институтов в разных видах судопроизводств – те плоскости, которые могут наиболее рельефно показать, достигнут ли (и достигим ли) искомый баланс.

В статье предпринята попытка рассмотрения проблемы соотношения публичного и частного на примере использования в уголовном судопроизводстве института ценных бумаг. Этой теме посвящена недавно защищенная диссертация Р.М. Хуснутдинова [1], в которой исследованы роль и место ценных бумаг в доказательственном значении, а также в системе мер уголовно-процессуального принуждения.

В последние годы распространенность обладания таким видом имущества, как ценные бумаги, многократно возросла. Доступность приобретения акций и облигаций, обращающихся на организованном рынке ценных бумаг, стала беспрецедентной, не требующей ничего в техническом смысле, кроме современного смартфона и банковского счета, которые есть почти у всего взрослого населения России. В информационном плане инвестиции стали популяризоваться на разных уровнях и не считаются теперь сложными для восприятия (хотя, возможно, и ошибочно). Как результат двух этих факторов – четверть проживающих в России людей являются инвесторами. Такая распространенность ценных бумаг влечет необходимость оценки их роли в уголовном судопроизводстве.

Несмотря на некоторые «цифровизационные» изменения, внесенные в УПК РФ, многие его процессуальные институты требуют приспособления к использованию в отношении современных явлений. Неслучайно при всей распространенности ценных бумаг вообще

и при всем множестве их разновидностей уголовный процесс взаимодействует с ними в целом редко, а из всей массы известных гражданскому праву ценных бумаг в уголовных делах фигурируют практически только акции и облигации.

ОГРАНИЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЦЕННЫХ БУМАГ

Отчасти ограничения в отношении ценных бумаг могут быть связаны с отсутствием специальных инструментов воздействия на бездокументарные ценные бумаги, на которые приходится основной рост числа собственников среди наших граждан. Хотя бездокументарные ценные бумаги как имущество упомянуты в п. 13.1 ст. 5 УПК РФ, специальных инструментов обращения с ними нет, а значит, правоприменителю остается только путь приспособления имеющихся процессуальных институтов (которые в некотором смысле архаичны) к особенностям современного имущества, все больше утрачивающего свойства физических вещей. Именно с этим связана тенденция к признанию вещественными доказательствами «не вещей», в том числе бездокументарных ценных бумаг: в таком случае существует возможность реституции по уголовному делу в обход надлежащих частноправовых механизмов [1, с. 143].

Разумеется, проблема «уголовно-процессуальной реституции» касается не только и, может быть, даже не столько ценных бумаг, сколько более распространенных в обиходе видов имущества. В настоящее время существует два параллельных варианта разрешения ситуации, с определением судьбы неправомерно выбывшего из владения собственника имущества: реституция по уголовному делу, которая полностью игнорирует существование добросовестного приобретателя, однозначно предпочитая ему потерпевшего, и гражданско-правовой вариант, в котором действует правило защиты добросовестного приобретателя. Даже прямое указание, содержащееся в ст. 147.1 ГК РФ и устанавливающее запрет истребовать у добросовестного приобретателя предъявительские ценные бумаги, не препятствует возвращению их потерпевшим в рамках уголовных дел.

Такое игнорирование норм гражданского права уголовным процессом кажется совершенно недопустимым в нормальной правовой системе, это явный перекося от «частного» к «публичному». Неоправданным выглядит изъятие у добросовестного приобретателя бездокументарных ценных бумаг, приобретенных им на бирже и сменивших между ним и собственником-потерпевшим сотни промежуточных владельцев, однако и такое бывает в уголовных делах. Но если представить себе обратную ситуацию – отказа от приоритета защиты имущественных прав потерпевшего (в сравнении с фигурой гипотетического добросовестного приобретателя, который в большинстве случаев не становится участником уголовного судопроизводства, не имеет процессуального статуса), то это абсолютно немыслимо для уголовного процесса. Для чего же тогда существует сложное и дорогое уголовное судопроизводство, если оно отказывается защищать права потерпевшего, чем еще оно может оправдать свое существование?

Едва ли можно предложить какой-то способ решения этой проблемы, который бы устроил всех. Под решение маскируется предложение добросовестному приобретателю (как иной вариант – потерпевшему) в гражданско-правовом порядке взыскивать с причинителя вреда (обвиняемого в совершении преступления) стоимость утраченного имущества. В действительности деталь, на которую делает акцент тот или иной исследователь [2] – гражданский процессуальный порядок или уголовно-процессуальный, не так важна. Уголовно-процессуальный порядок дает преимущество потерпевшему только потому, что он физически располагает спорным имуществом, так как оно не утрачено. Если речь идет не о решении передать потерпевшему сохранившееся имущество, а о взыскании в его пользу денежного эквивалента с осужденного, то этот потерпевший, а также все остальные взыскатели, в том числе добросовестные приобретатели, становятся практически равными «неудачниками». В большинстве случаев взыскивать с осужденного нечего либо его имущества недостаточно.

С позиций поиска баланса частных и публичных интересов считаем, что вопрос о судьбе спорного имущества должен решать-

ся при участии всех заинтересованных лиц. Для этого есть две основные возможности. Первая состоит в том, чтобы допустить к участию в уголовном деле тех самых «заинтересованных», или «третьих», лиц (добросовестных приобретателей в том числе), наделив их соответствующим правовым статусом. Недостаток этого варианта в том, что большее количество участников, которые заинтересованы в разрешении не основного вопроса уголовного дела, а второстепенного, но при этом все-таки именно заинтересованы, а не безразличны, осложняет судопроизводство и процессуально, и организационно.

Вторая из упомянутых возможностей противоположна – вывести вопрос о судьбе имущества за пределы уголовного процесса. Нельзя назвать этот вариант фантастическим. Публичное начало, преобладающее в уголовном процессе, подчас требует быстрых и непопулярных решений – изъять имущество (у собственника, законного владельца, незаконного владельца, добросовестного приобретателя, хранителя и т. п.) и признать его вещественным доказательством или арестовать. Но когда доказательственные и обеспечительно-принудительные задачи уголовного судопроизводства решены, уголовный процесс с его принципами перестает быть необходимым, и совсем не обязательно именно ему решать споры между несколькими претендентами на одно имущество. Подобно тому как многие гражданские иски, заявленные по уголовным делам, оставляются судами без рассмотрения¹ с указанием на необходимость разбирательства в порядке гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, споры о судьбе имущества, на которое наложены ограничения, могут передаваться для разрешения в цивилистическом процессе.

ЦЕННЫЕ БУМАГИ КАК ПРЕДМЕТ ЗАЛОГА

Еще одна интересная проблема – это залог как мера пресечения. Р.М. Хуснутдинов считает, что предмет уголовно-процессуального залога должен быть расширен за счет ценных

¹ По данным Отчета о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2023 г., оставлено без рассмотрения 8 % гражданских исков.

бумаг определенных видов [1, с. 161–187]. Нет никаких оснований спорить с тем, что ценные бумаги – имущество, которое могло бы быть использовано при применении этой меры пресечения. И совершенно очевидно, что любое имущество, кроме денег, более «хлопотно» в использовании, чем деньги. Соответственно, вопрос заключается в том, почему законодатель и правоприменитель не стремятся к дополнительным «хлопотам» ради применения залога. Ответ, думается, связан с общим невысоким правоприменительным потенциалом залога. Нет убедительных данных о том, что залог может быть полноценной альтернативой заключению под стражу, подобная статистика не приводится даже в тех зарубежных странах, где данная мера пресечения применяется максимально широко. «Целевая аудитория» залога – состоятельные обвиняемые (что уже исключает абсолютное большинство их); при этом величина залога должна быть очень значимой для этих состоятельных людей, чтобы риск его потери был для них важнее уголовно-процессуальных рисков. Однако оценить эту величину – очень сложная задача, особенно если предположить, что обвиняемый не аккумулировал все свое имущество на одном банковском или инвестиционном счете, а использовал для его сокрытия сложные финансовые и «альтернативные» схемы, в том числе анонимные виды активов.

Вероятность того, что допуск большего числа ценных бумаг в качестве предмета залога как-то повлияет на его применяемость, мы оцениваем как очень низкую, хотя с теоретической точки зрения нет причин возражать против этого.

Если рассуждать о соотношении частного и публичного применительно к возможности использования ценных бумаг в качестве предмета залога, то мы должны признать, что такая возможность была бы небольшим шагом в сторону частного интереса. Если представить себе ситуацию, когда залог не избирается в качестве меры пресечения по той причине, что пригодного имущества у залогодателя нет, а ценные бумаги есть, но их суд не принимает и вместо залога избирает заключение под стражу, то это представляется перегибом в сторону публичного интереса. Однако,

с другой стороны, посмотрим на уголовно-процессуальный залог через призму его частноправового аналога: залогодержатель должен быть свободен в том, какое имущество принимать в залог. Уголовно-процессуальным «залогодержателем» является государство, и если оно не желает принимать в залог какие-то виды ценных бумаг, то это его «частное» право, а не проявление власти.

ЦЕННЫЕ БУМАГИ КАК ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

В отношении доказательственного значения ценных бумаг (с подразделением их на документарные и бездокументарные) напрашивается аналогия с денежными средствами (наличными и безналичными). В отношении бездокументарных бумаг автор даже делает это сравнение [1, с. 142]. Но по большому счету оно позволяет поставить вопрос о том, есть ли вообще у ценных бумаг какая-то значимая доказательственная специфика в сравнении с более изученными денежными средствами.

Доказательственное значение ценных бумаг требует ответа на вопрос о том, как к ним относиться: исходя из существительного «бумаги» – как к иным документам или исходя из прилагательного «ценные» – как к вещественным доказательствам.

Р.М. Хуснутдинов делает достаточно безапелляционный вывод о том, что документарные ценные бумаги, признанные вещественными доказательствами, нужно хранить при уголовном деле, не передавая владельцу ни на ответственное хранение, ни возвращая их ему в рамках «досрочной реституции» [1, с. 122]. В любой аргументации по поводу отнесения документарных ценных бумаг именно к вещественным, а не к документальным доказательствам (то есть к «иным документам», как они названы в ч. 2 ст. 74 УПК РФ) следует понимать, что основная подоплека этого выбора вовсе не в классификации доказательств. Современное значение данной классификации уходит далеко от теоретической чистоты. Главное процедурное отличие вещественных доказательств от иных документов – процессуальный режим их хранения. Это еще один пример того, что поднятая в отношении ценных бумаг проблема является

частью общей уголовно-процессуальной проблемы. Суть ее в том, что признание ценного имущества вещественным доказательством – это больше инструмент принуждения, а не доказывания. Для владельца ценной бумаги принципиально важно, что предпочтет следователь: снять копию, которая отражает всю необходимую информацию о ценной бумаге и никак не препятствует правам собственника (как было бы в отношении любого «ино-го документа»), или признать ценную бумагу вещественным доказательством и хранить при деле весь период уголовного судопроизводства с принципиальной недоступностью для законного собственника.

В связи с этим разного рода технические детали относительно признания ценных бумаг вещественными доказательствами не должны превалировать над открытым указанием на то, ради чего в действительности то или иное имущество признается именно вещественным, а не иным доказательством.

Р.М. Хуснутдинов пишет о необходимости указания «правового основания отнесения документа к конкретному виду документарных ценных бумаг» в постановлении о признании его вещественным доказательством [3, с. 12]. Однако, во-первых, не ясна целесообразность такой информационной нагрузки на данный процессуальный документ – нужно не только установить вид ценной бумаги (что само по себе не до конца бесспорно), но еще и привести в пользу этого правовые аргументы, видимо, заранее отвечая на какие-то потенциальные вопросы. Во-вторых, представляется, что автор не до конца спрогнозировал последствия неверного определения вида ценных бумаг, признаваемых вещественными доказательствами. Либо это неверное определение даст дополнительный повод для обжалования процессуального акта, либо оно не имеет никакого правового значения. В последнем случае непонятно, для чего же оно требуется.

Поскольку ценные бумаги имеют сложную и несколько противоречивую правовую природу, признание их вещественным доказательством с режимом хранения, ограничивающим права собственника, или арест влекут больше последствий, чем те же процессуальные действия в отношении других ресурсов (в том числе ценных и даже знаковых, например, наличных денежных средств).

Р.М. Хуснутдинов справедливо отмечает, что ограничения в отношении ценной бумаги не должны автоматически распространяться на права получать доходы по ней и голосовать ею [3, с. 15]. Однако последствия совершения процессуальных действий в отношении ценных бумаг влекут более разнообразные последствия для имущественных и неимущественных прав, связанных с этими ценными бумагами. В отдельных ситуациях ценные бумаги, признанные вещественными доказательствами, могут рассматриваться по аналогии со скоропортящимися товарами. Так, например, если оригинал векселя хранится в уголовном деле, то векселеполучатель не может предъявить его к исполнению, а трехлетний срок давности течет и не приостанавливается.

В арбитражной практике нередки дела о различных правовых попытках векселедержателей предъявить к оплате вексель, которого у них физически нет из-за его нахождения в уголовном деле². Нужно отметить, что все эти попытки неудачны, поскольку нет никаких способов получить платеж по векселю, не предъявив его.

Каким образом соотносятся в этом случае частные и публичные интересы? Нам не удалось найти ни одного случая, когда государство компенсировало векселедержателю ущерб, причиненный хранением векселя в уголовном деле, сделавшим невозможным его своевременное предъявление к оплате. В связи с этим полагаем, что идея о безальтернативном признании документарных ценных бумаг вещественными доказательствами с режимом хранения, ограничивающим права собственника, излишне категорична.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то что уголовный процесс является территорией абсолютного преобладания публичного начала над частным, всякий его инструмент, всякое правоотношение могут быть оценены с точки зрения соблюдения баланса частного и публичного. Этот баланс специфичен для уголовного судопроизводства.

² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.05.2023 № Ф07-5261/2023 по делу № А56-58230/2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

производства, несравним с таковым в гражданском праве и даже от публичных отраслей гражданского процессуального, арбитражного процессуального и административного процессуального права отличен. Частноправовые институты, в том числе «по касательной» затрагивающие уголовное судопроизводство, дают дополнительную возможность оценить каждое правоограничение на предмет его необходимости и незаменимости.

вые институты, в том числе «по касательной» затрагивающие уголовное судопроизводство, дают дополнительную возможность оценить каждое правоограничение на предмет его необходимости и незаменимости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хуснутдинов Р.М. Ценные бумаги в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Р.М. Хуснутдинов. – Ульяновск, 2024. – 315 с.
2. Мурyleва-Казак В.В. Содержание понятия «законный владелец» для цели решения судьбы вещественных доказательств в виде имущества, полученного в результате совершения преступления, и доходов от этого имущества / В.В. Мурyleва-Казак // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 9. – С. 154–163.
3. Хуснутдинов Р.М. Ценные бумаги в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Р.М. Хуснутдинов. – Ульяновск, 2024. – 26 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шарипова Алия Рашитовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sharipova Aliya Rashitovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 13.12.2024; одобрена после рецензирования 25.12.2024; принята к публикации 25.12.2024. The article was submitted 13.12.2024; approved after reviewing 25.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

REFERENCES

1. Khusnutdinov R.M. Securities in Criminal Proceedings of the Russian Federation. *Cand. Diss.* Ulyanovsk, 2024. 315 p.
2. Muryleva-Kazak V.V. The Content of the Concept of “Legal Owner” in Deciding the Fate of Material Evidence in the Form of Property Obtained as a Result of a Crime, and Income from this Property. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2022, no. 9, pp. 154–163. (In Russian).
3. Khusnutdinov R.M. Securities in Criminal Proceedings of the Russian Federation. *Cand. Diss. Thesis.* Ulyanovsk, 2024. 26 p.